

ЛОЖНАЯ ВДОВА ДРАКОНЬЕГО КОРОЛЯ

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

Таисия Логовская

Ложная вдова драконьего короля

«Автор»

2026

Логовская Т.

Ложная вдова драконьего короля / Т. Логовская — «Автор»,
2026

Мёртвый муж казался самым безопасным способом избежать навязанного брака — поэтому я объявила себя вдовой пропавшего драконьего короля. На следующий день он вернулся. Живой, без памяти обо мне, с чёрным браслетом на запястье, который душит его силу. Он не помнит нашей свадьбы — потому что её не было. Но моя ложь остановила коронацию его брата и дала нам двадцать один день, чтобы доказать: брак настоящий, а я — не самозванка. Он — король-дракон, который привык управлять всем, включая жену. Я — попаданка без магии, зато с опытом в наследственном праве и стойкой привычкой не верить людям на слово. Идеальный союз — если не считать того, что чем ближе мы подбираемся к правде о его исчезновении, тем яснее: кто-то очень не хочет, чтобы он вспомнил.

© Логовская Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Таисия Логовская

Ложная вдова драконьего короля

Глава 1

Последнее, что я увидела в своей прежней жизни, были фары грузовика, развернувшегося поперёк мокрой дороги, и телефон на соседнем сиденье, где мама продолжала что-то говорить в голосовом сообщении. Я тогда ещё успела подумать, что опять не перезвонила сразу и теперь придётся слушать, как она обижается, а потом стало поздно и для звонка, и для оправданий, и вообще для всего.

Очнулась я от мерзкого запаха горьких трав, воска и залежавшейся ткани. Язык прилип к нёбу, в висках стучало так, словно внутри кто-то проверял стены молотком, а под спиной лежало нечто жёсткое, хотя явно считалось кроватью. Очень хотелось снова закрыть глаза и подождать, пока больница станет нормальной, но даже с закрытыми глазами было понятно, что нормальной она уже не станет: ни писка приборов, ни голосов врачей, ни шума каталок, зато рядом кто-то тяжело дышал и время от времени шептал молитву.

Я осторожно пошевелила рукой и сразу поняла, что проблемы на больнице не заканчиваются. Пальцы были тонкими, кожа — светлой, ногти — длиннее, чем я когда-либо позволяла себе на работе. Моими руками удобно было листать дела, таскать коробки из архивов и отнимать у клиентов документы, которые они пытались порвать в порыве семейной любви. Этими, наверное, полагалось держать чашку и красиво падать в обморок.

Надо открыть глаза, подумала я, посмотреть, что произошло, а уже потом паниковать — желательно по расписанию и без свидетелей.

Надо мной висел тяжёлый полог, за ним темнели резные балки. Возле кровати стояла женщина лет пятидесяти в сером платье с высоким воротом и смотрела так, будто я последние сутки исключительно из вредности лежала без сознания, пока у неё копились дела.

— Мира, слава огню, — выдохнула она, наклоняясь ко мне. — Ты меня слышишь? Сколько пальцев я показываю?

Пальцев было три, и самым простым казалось ответить, не усложняя человеку жизнь, но у меня уже накопились собственные вопросы, которые начинались совсем не с арифметики.

— Три, — сказала я и вздрогнула от чужого голоса, более высокого и хриплого. — А вы кто?

Женщина выпрямилась, подвеска на груди ударилась о корсаж, а на лице появилось такое выражение, словно я спросила, зачем нужна голова.

— Марта. Твоя тётя Марта. Мира, не пугай меня, ты почти сутки не приходила в себя.

Судя по её виду, испугать её я уже успела и теперь просто продолжала неудачно начатое дело. Я попыталась подняться, но комната качнулась, желудок сжался, а тело недвусмысленно сообщило, что в переговорах участвовать пока не готово.

Марта подхватила меня под плечи, поправила подушки и поднесла стакан. Вода пахла металлом, зато была прохладной, поэтому я выпила почти половину, одновременно рассматривая женщину поверх края. Пусть будет тётя, решила я, потому что очень удобно, когда родственника выдают сразу вместе с объяснением, а сама ты не помнишь его ни на одну морщинку.

— Что со мной случилось? — спросила я, возвращая стакан.

Марта начала рассказывать о падении возле лестницы, жаре, лекаре и том, как всю ночь ждала у кровати. Говорила быстро, но на словах об отце замедлилась и принялась разглаживать покрывало, которое и без неё лежало совершенно ровно.

— Эдвар умер двенадцать дней назад, — произнесла она, не глядя на меня. — Ты была сама не своя после похорон, а вчера упала возле его кабинета.

Имя Эдвар не вызвало ни лица, ни голоса, ни боли. Я знала, что должна почувствовать хотя бы пустоту, но внутри было только неприятное понимание: умер чужой человек, а отвечать за его жизнь теперь, похоже, придётся мне.

— Он мой отец?

Марта подняла голову, и я сразу пожалела о прямоте, хотя исправлять уже было поздно.

— Единственный, — ответила она. — Мира, ты совсем ничего не помнишь?

— Пока помню, как говорить, пить воду и задавать вопросы, так что положение не безнадежное. Что ещё произошло после его смерти?

Она смотрела на меня настороженно, словно пыталась найти под чужими словами знакомую племянницу. Не нашла, конечно, потому что знакомой племянницы здесь больше не было, а я сама ещё не успела понять, каким образом заняла её место.

За дверью послышались тяжёлые мужские шаги, которые остановились совсем рядом, и Марта тут же оглянулась — лишь на мгновение, но мне хватило. Люди редко смотрят на дверь с таким выражением, если за ней ждёт добрая новость.

— Кто там?

— Герцог Орен Мальверн, — ответила она после паузы. — Он ждёт уже второй час.

— Какой терпеливый мужчина. А чего именно он ждёт?

Марта снова поправила покрывало, потом взялась за стакан и переставила его на столик, хотя тот никому не мешал. Неужели все местные женщины при неудобном разговоре начинают спасать мебель?

— Тебе сейчас нельзя волноваться, — сказала она, понизив голос. — Всё уже решено, нужно только привести тебя в порядок и спуститься.

Фраза «всё уже решено» мне не нравилась ещё в прошлой жизни, особенно когда её произносили родственники наследодателя перед оглашением завещания. Обычно выяснялось, что решено всё, кроме согласия человека, которому собирались сообщить результат.

— Если всё решено, объяснение ничего не испортит. Если не решено, мне тем более нужно знать, что происходит.

Марта сжала губы, но, видимо, поняла, что вниз я всё равно не пойду, пока не получу ответы, и рассказала о долгах дома, заложенных землях и бумагах, найденных в архиве отца. Среди обычных дел там оказались королевские кровные печати, хранить которые частное лицо не имело права. Совет решил изъять архив, а меня, как единственную наследницу, отправить в долговую крепость до суда.

Замечательно устроилась: не успела освоиться в новом теле, а уже получила дом, покойного отца, уголовное дело и перспективу тюрьмы. В прежней жизни на подобный набор требовалось несколько лет неудачных решений, здесь справились за одно утро.

— А герцог при чём?

— Он может остановить исполнение решения, — сказала Марта, и в голосе появилась осторожная надежда. — Орен предложил погасить долги и защитить имя Альвейн, если ты согласишься стать его женой.

Вот даже как: мужчина не просто ждал у спальни больной женщины после смерти её отца, но ещё и явился с брачным предложением, идеально совпавшим с угрозой крепости, — очень романтично, если не читать условия.

— Что он получает после свадьбы?

Марта отвела взгляд к окну, и я сразу поняла, что вопрос выбрала правильный.

— Сейчас важно, что он спасает тебя.

— Когда человек спасает меня и просит не интересоваться ценой, я начинаю особенно внимательно считать, что именно он собирается забрать.

Она вздохнула и всё-таки перечислила, что после брака Орен получал управление землями, доходами, домом и всем имуществом жены, включая архив. Мне полагалось содержание и право жить в одном из его имений. Марте сохраняли комнаты в этом доме, и последнее объясняло её старания намного лучше семейной любви. Я не осуждала: перспектива оказаться на улице быстро делает людей разумными, покладистыми и очень благодарными чужим женихам. Только замуж всё-таки собирались выдать меня, поэтому право задавать неудобные вопросы я оставляла за собой.

— То есть герцог получает архив раньше Совета, а вы — комнаты. Мне достаётся муж, которого я не выбирала, и надежда, что крепость окажется хуже.

— Не говори так, — прошептала Марта. — Орен уважаемый человек.

— Наверное, поэтому договор понадобилось подписать до официального изъятия бумаг.

Она ничего не ответила, только сцепила пальцы, и я решила пока больше не давить. Марта не выглядела сообщницей великого заговора, скорее женщиной, которой предложили два плохих исхода и разрешили выбрать тот, где сохранялась крыша над головой.

Я откинула покрывало и спросила:

— Где кабинет отца?

— Зачем тебе туда? — спросила она так быстро, что даже сама, кажется, заметила.

Вот теперь любопытство окончательно превратилось в подозрение: если простой вопрос о кабинете заставляет человека отвечать раньше, чем он успевает подумать, в кабинете точно лежит что-то интереснее семейных писем.

— Посмотреть документы до встречи с будущим супругом. Вдруг выяснится, что он получает не только дом, но и что-нибудь особенно уголовное.

— Архив опечатан.

Она произнесла это с заметным облегчением, будто красная лента на двери могла остановить не только меня, но и все неприятные разговоры.

— Значит, посмотрю, что именно успели опечатать.

Ноги оказались длиннее моих и заметно слабее. Я встала, продержалась примерно два вдоха и снова села, потому что падать второй раз за сутки было бы уже не трагедией, а привычкой. Марта молча принесла платье цвета тёмного вина и помогла одеться.

Платье застёгивалось на спине десятком мелких крючков, затягивалось шнуровкой и не имело ни одного кармана. Удивительное общество: женщины здесь, судя по всему, владели домами, архивами и уголовной ответственностью, но носовой платок им полагалось хранить, видимо, в руке.

Пока Марта возилась с корсажем, я уточняла сроки, размер долгов и полномочия Орена. Она отвечала неохотно, но главное стало ясно: герцог был крупнейшим кредитором и мог одним распоряжением отсрочить изъятие имущества. Свадьбу хотели провести сегодня, потому что уже утром Совет начинал официальную выемку архива.

— Значит, ему нужен доступ до описи, — сказала я.

Шнуровка затянулась сильнее, и пришлось вдохнуть осторожнее.

— Ты его совсем не знаешь, а уже думаешь худшее.

— Я его вообще не знаю, поэтому пока думаю только то, что следует из договора.

Застегнув последнюю пряжку, Марта отошла, и в зеркале напротив стояла молодая женщина с тёмными волосами, бледным лицом и фигурой, на которую прежняя я посмотрела бы с завистью, а нынешняя — с тревогой. Красиво, конечно, только жаль, что вместе с внешностью мне не передали инструкцию, память и право отказаться от чужих долгов.

К кабинету отца я пошла, опираясь на перила. Дорогу не помнила, но тело дважды свернуло раньше, чем я успела спросить, и рука сама потянулась к третьей двери слева. Это было неприятнее зеркала: от Миры остались привычки, которые пользовались моими мышцами без разрешения.

Возле двери стоял стражник в синем мундире. Он окинул меня взглядом, задержался на бледном лице и поставил ладонь на рукоять меча, хотя я пока никого не собиралась убивать. Возможно, вид у меня был более решительный, чем самочувствие.

— Кабинет опечатан по распоряжению Совета, леди Альвейн.

— Покажите печать.

Он нахмурился, но всё же отступил, и на замке висела красная лента с оттиском. Я осмотрела её, дверь и узкое окно над косяком. Печать настоящая, зато ставили её в спешке: пыль возле нижней петли шкафа рядом была стёрта только с одной стороны, а на полу тянулся свежий след.

— Мне нужны личные письма отца, не относящиеся к делу.

— Без представителя короны вход запрещён.

Это был уже не окончательный отказ, а условие, и условия всегда приятнее запретов.

— Тогда пригласите представителя. Герцог ждёт внизу, долговая стража скоро приедет, а вы сможете лично объяснить всем заинтересованным мужчинам, почему наследнице не дали забрать семейные письма до описи.

Стражник посмотрел на Марту, будто надеялся, что она вернёт меня в спальню. Та отвела глаза, после чего мужчина тяжело выдохнул и ушёл.

Вернулся он с молодым чиновником в сером мундире и золотой цепью. Тот представился Эстеном Варром, младшим регистратором короны. Вид у него был уставший и аккуратный, как у человека, который любит порядок и сегодня впервые понял, насколько порядок не любит его.

— У вас десять минут, леди Альвейн, — сказал он после проверки печати. — Я остаюсь внутри.

— Оставайтесь. Свидетели мне сегодня особенно полезны.

Кабинет пах бумагой, древесным маслом и холодным камином. На столе лежали перевязанные дела, вдоль стен стояли шкафы, а под окном пылился сундук, слишком тяжёлый и заметный для тайника. Я прошлась вдоль полок, стараясь не торопиться. Если отец действительно хранил запрещённые печати, он вряд ли поставил их рядом с бухгалтерией под табличкой «государственное преступление».

На корешках были даты, названия поместий и фамилии. В нижнем ряду один том без названия выдвигался хуже остальных. Я потянула его, нащупала за книгой металлическую пластину и нажала на узкую выемку. Панель бесшумно отошла, и Эстен сразу шагнул ближе. Я не могла знать, удивился он или ждал чего-то подобного, зато перо из его руки исчезло, а вместо него появилась регистрационная пластина. Вот и вся разница между простым любопытством и государственной службой.

В тайнике лежали три вещи: тетрадь в тёмной коже, половина серебряного знака с неровным краем и сложенный лист плотной бумаги, запечатанный красным крылом. От печати шло слабое тепло, и Эстен сразу предупредил:

— Не касайтесь, — произнёс Эстен.

Я уже держала лист за чистый край, поэтому совет немного опоздал.

На документе значилось: «Экстренное брачное свидетельство носителя Короны». Ниже оставались пустые строки для имени супруги и даты, а внизу темнела кровная печать короля Рейнара Вальда.

— Король умер? — спросила я.

Эстен поднёс пластину к печати, не прикасаясь пальцами.

— Пропал восемнадцать месяцев назад. После истечения срока поиска Совет признал его погибшим.

Признал погибшим — это всё-таки не то же самое, что увидел мёртвым, но выбирать идеального покойника времени не было.

— Бланк действителен?

— Только если имя внесено с согласия короля и принято его печатью.

Согласия у меня не было, зато был герцог, который хотел получить архив до описи, и крепость, куда меня отправляли без всякого согласия. Очень чистым решение не выглядело, но чистые решения обычно доступны людям, у которых есть время, деньги и запасной выход.

Перед тем как спрятать тетрадь под корсаж, я раскрыла её на заложенной странице. Между расчётами и непонятными значками Эдвар оставил одну обычную дату — за три дня до исчезновения короля — и короткую пометку: «для экстренной записи». Почему именно этот день, я не знала, зато он хотя бы относился ко времени, когда Рейнар ещё не считался погибшим.

Тетрадь сразу упёрлась в рёбра, но стала менее заметной, чем серебряный знак. Знак пришлось оставить: платье по-прежнему не собиралось сотрудничать с расследованием.

Потом я села за стол, взяла перо и вписала имя Миры Альвейн. В поле даты поставила число, указанное Эдваром. Свежие чернила не делали старую дату честнее; просто теперь подделка была осознанной и хотя бы не спорила с календарём. Старых преступлений мне пока не принадлежало, зато новое пришлось сразу оформлять задним числом.

— Леди Мира, — сказал Эстен, и служебная ровность впервые исчезла из его голоса. — Вы понимаете, чем это может закончиться?

— Плохо. Но остальные варианты уже заканчиваются плохо, просто без проверки.

Красная печать вспыхнула под ладонью, а чернила дрогнули и втянулись в бумагу так, словно имя всегда находилось на своём месте. Воздух нагрелся, Марта прижала пальцы ко рту, а стражник возле двери сделал знак на груди.

Я тоже испугалась, конечно, только уже поздно: запись приняли, и теперь оставалось заставить закон хотя бы заметить мою проблему.

Внизу нас ждали Орен, двое его стражников и раскрытый брачный договор. Герцог сидел возле камина, положив руки на серебряную рукоять трости, и поднялся, когда я вошла. Высокий, темноволосый, безупречно одетый и очень спокойный. Красивый мужчина, если не помнить, что он приехал жениться на наследнице между похоронами и арестом.

— Леди Мира, рад видеть, что вам лучше, — сказал он. — Ваша тётя опасалась, что церемонию придётся перенести.

На столе уже лежало перо, повёрнутое ко мне. Заботливый человек, даже писать самостоятельно не заставляет.

— Ваша Светлость, — ответила я, садясь. — Прежде чем подписывать, я прочитаю договор.

Орен задержал на мне взгляд, но улыбка осталась на месте.

— Разумеется. Хотя времени мало, а основные условия вам известны.

— Основные условия обычно помещают крупным шрифтом. Самое интересное прячут дальше.

Я прочитала документ от начала до конца. Марта пересказала честно, но бумага звучала ещё красивее: герцог спасал, обеспечивал, сохранял честь и всего лишь получал право распоряжаться всем имуществом дома Альвейн, включая неописанные находки.

— Где опись имущества? — спросила я. — В договоре нет номера реестра и даты.

Орен не потянулся к листу и не стал проверять. Значит, отсутствие ссылки в договоре вряд ли было случайной ошибкой.

— Опись хранится в короне и не влияет на смысл соглашения.

— Ещё как влияет. Без неё под ваше управление перейдёт всё, что найдут после свадьбы, даже если этого нет в текущих списках.

Его палец замер на серебряной рукояти всего на мгновение, но мне этого хватило, чтобы понять: угадала.

— Вы предполагаете недобросовестность с моей стороны?

Вопрос был герцогу очень удобен: вместо ответа о документах мне предлагали оправдаться за плохое мнение о благородном герцоге.

— Я предполагаю, что вы читали договор внимательнее Марты. Поэтому и спрашиваю. Улыбка стала тоньше, хотя окончательно не исчезла.

— Ваш отец оставил долги и обвинение в государственной измене. Я предлагаю вам защиту, а вы торгуетесь о формулировках.

— Потому что после подписи формулировки станут моей жизнью.

Эстен до этого молчал возле двери, держа папку перед собой. Только после этого Орен наконец обратил внимание на документ.

— Что там?

Регистратор подошёл к столу, но папку герцогу не передал.

— Экстренное брачное свидетельство с кровной печатью короля Рейнара Вальда. Леди Альвейн предъявила его в кабинете покойного отца.

Марта тяжело опустилась в кресло, будто ноги перестали её держать. Орен развернул лист к свету, прочитал имя и дату, а потом посмотрел на меня уже без прежнего участия.

— Чернила свежие.

— Да, я внесла имя сегодня.

Лучше самой назвать очевидный факт, чем позволить другому человеку подать его как блестящее разоблачение.

— Рейнар Вальд мёртв.

— Поэтому свидетельство и называется брачным, а не приглашением на встречу.

Эстен кашлянул и отвёл взгляд, а Орен даже не попытался улыбнуться.

— Это подделка.

— Тогда проверка быстро это подтвердит.

Регистратор достал серебряную пластину и поднёс к печати. Красное крыло вспыхнуло, и Эстен отдернул руку, Марта тихо ахнула, а Орен положил лист на стол осторожнее, чем брал.

— Вы понимаете последствия? — спросил он.

— Мне подробно объяснили последствия отказа от вашего брака. Хотелось бы наконец услышать, что будет при другом выборе.

Эстен раскрыл книгу и объяснил:

— До полудня можно подать вдовью претензию в Палату клятв. Если Коронный огонь примет заявление, передача имущества и заключение наследницы будут приостановлены на двадцать один день.

Орен провёл большим пальцем по рукояти трости.

— Если огонь не примет, леди Мира будет обвинена ещё и в посягательстве на королевскую печать.

То есть выбор оставался прежним: плохой, хуже и неизвестно насколько ужасный. Зато последний вариант хотя бы оставлял мне немного времени.

Взгляд вернулся к договору и моему имени под красным крылом. Ещё утром у меня не было ни этого тела, ни дома, ни родственников. Теперь всё чужое требовало от меня решения так настойчиво, словно принадлежало мне много лет.

— Записывайте заявление, господин Варр, — сказала я. — Я, Мира Альвейн, объявляю себя вдовой драконьего короля.

Глава 2

После моего заявления никто не заговорил сразу. Эстен сел за стол и принялся искать свободную страницу в книге, хотя их там было столько, что можно было зарегистрировать ещё десяток самозванных вдов и одну настоящую. Видимо, человеку просто требовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к мысли: утром он приехал оформить передачу долгов, а теперь должен записывать брак с погибшим королём.

— Полное имя, — произнёс он наконец, поправляя чернильницу.

— Мира Альвейн.

Перо заскрипело по бумаге, а Орен стоял напротив и больше не говорил о защите, доме и спокойной жизни в его имении. Вот и закончилась забота, не успев начаться. Теперь он просто смотрел, как я пытаюсь выбраться, и ждал, где ошибусь. По крайней мере мне так показалось, а проверять его истинные чувства желания не было.

— Основание претензии? — спросил Эстен.

— Экстренное брачное свидетельство с кровной печатью Рейнара Вальда.

— Скажите полностью: когда и где найдено.

Пришлось повторить про тайник в кабинете отца. Эстен записывал всё слово в слово, иногда возвращаясь к предыдущей строке и добавлял мелкие знаки на полях. Орен дважды пытался вставить замечание о свежих чернилах, но регистратор оба раза просил дождаться отдельного раздела. Я начинала относиться к Эстену лучше, не потому, что он был на моей стороне, просто любил порядок сильнее, чем герцога, а в моём положении и такая преданность заслуживала уважения.

Когда предварительная запись была готова, он перевернул маленькие песочные часы возле книги. Песок сыпался вниз слишком быстро, хотя я прекрасно понимала, что часы здесь ни при чём.

— Теперь заявление должна принять Палата клятв, — сказал он. — До полуденного удара.

На больших часах над камином до полудня оставалось меньше четверти часа, поэтому я сразу спросила:

— Где эта Палата?

— Между дворцом и зданием Совета. Экипажем минут пятнадцать, если улицы свободны.

— Очень разумно. На решение дают четырнадцать минут, а дорога занимает пятнадцать.

Эстен виновато посмотрел на часы, словно лично строил город и специально поставил Палату подальше от моего дома.

— Предупредительный колокол ещё не прозвучал. Если выехать сейчас и взять коронный экипаж, можем успеть.

Орен положил руку на спинку моего кресла. Не коснулся меня, но оказался слишком близко, и запах терпкого парфюма сразу напомнил, что формально мы всё ещё обсуждаем несостоявшуюся свадьбу.

— Мира, не усугубляйте, — сказал он уже без улыбки. — Вы больны, напуганы и не понимаете, какую цену потребует Палата. Откажитесь от заявления, и я сохраню прежние условия.

Какая щедрость: всего лишь подпиши договор после того, как попыталась выйти замуж за другого, и тебя всё равно возьмут вместе с имуществом — почти любовь.

— Если прежние условия так хороши, они подождут до вечера.

— Не подождут.

— Тогда это не защита, а распродажа с ограниченным сроком.

Марта тихо произнесла моё имя, но я не посмотрела на неё. Мне и без её лица было понятно, что я снова говорю не так, как говорила прежняя Мира. Хорошо бы узнать, как именно она разговаривала, раз все вокруг постоянно ждут от меня другой реакции. Хотя, судя по договору на столе, разговаривала она недостаточно громко.

Эстен закрыл книгу, опечатал брачное свидетельство и прижал папку к груди.

— Экипаж ждёт во дворе.

— Я еду с ней, — сразу сказала Марта.

— До внешнего двора Палаты, госпожа Альвейн. Дальше допускаются только заявитель, хранитель и участники спора.

Орен взял трость и напомнил:

— Я участник спора.

Эстен коротко поклонился, не стал спорить с титулом и папку герцогу не отдал. Я заметила это и решила держаться рядом с регистратором: не потому, что доверяла, а потому что документ он защищал лучше всех присутствующих.

На лестнице Марта снова взяла меня под локоть. На этот раз не для поддержки — пальцы сжались так, что я почувствовала ногти через рукав.

— Ты совсем сошла с ума? — прошептала она. — Ты ведь не была замужем. Я бы знала.

— Я тоже так думаю.

— Тогда зачем?

Мы спускались медленно, потому что ноги всё ещё плохо соглашались с новым ростом, а корсаж не позволял нормально вдохнуть. Прекрасная одежда для побега от ареста: красиво выглядишь и далеко не убежишь.

— Мне нужен срок, — ответила я. — Орен получит архив сразу после свадьбы. Совет — завтра. Кто-то очень торопится, а отец почему-то спрятал королевский документ. Я хочу понять, зачем.

Марта замедлила шаг и после паузы ответила:

— Эдвар ничего мне не рассказывал.

— А я не спрашивала, рассказывал ли. Вы знали, что Орен приходил к нему до смерти?

Она отпустила мой локоть и посмотрела вниз. Получился не полный ответ, конечно, но уже и не пустой.

— Они спорили, — произнесла она после паузы. — Я слышала голоса из коридора. Орен ушёл злой, а Эдвар велел никого не впускать в кабинет. Ночью у него почернела правая ладонь, через два дня стало плохо, и лекар назвал это сердцем.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

— Потому что это ничего не доказывает, а герцог всё равно единственный, кто мог спасти дом.

Я хотела возразить, но вовремя остановилась, потому что для Марты дом был не папкой с уликами, а единственным местом, где она жила семь лет. В её глазах я рисковала не только собой, но и её будущим, поэтому требовать от неё красивой смелости было бы слишком легко.

— После Палаты поговорим ещё раз, — сказала я. — Только без «всё уже решено».

Во дворе ждали два экипажа, и кучер Орена уже распахнул дверцу, но я направилась к серому экипажу с коронным знаком.

— Вы поедете со мной, — произнёс герцог.

Он сказал это не как предложение и даже не как приказ, а как уже принятое решение, которое мне осталось только заметить. Сегодня окружающие вообще удивительно много решали за меня, и результат пока ни разу не понравился.

— Свидетельство у Эстена, значит, я поеду с ним.

— Вы обвиняете меня в намерении задержать вас?

Голос стал холоднее, хотя лицо почти не изменилось. Значит, прямой отказ его раздражал сильнее, чем сама подозрительность.

— Нет, я просто не хочу проверять, насколько быстро у вашего экипажа ломаются колёса, когда пассажирка едет подавать неудобное заявление.

У одного из стражников возле ворот дрогнули губы. Орен повернул к нему голову, и мужчина сразу перестал находить ситуацию забавной. Я села в коронный экипаж, Марта устроилась рядом, а Эстен напротив, не выпуская папку из рук.

По дороге он несколько раз выглядывал в окно и просил кучера ехать быстрее. Город мелькал кусками: узкие дома, торговые ряды, мост, сухой фонтан, женщины в длинных платьях и мужчины в коротких плащах. Я пыталась запомнить путь, но всё смешивалось, а тетрадь под корсажем при каждом повороте напоминала о себе острым краем.

Надо было отдать её Эстену ещё в кабинете, размышляла я, хотя, возможно, как раз не надо, потому что если в Палате меня обыщут, сокрытие улики добавит к списку обвинений ещё один пункт. Если не обыщут, останется хоть что-то, о чём Орен не знает. Очень хотелось принять решение умно и заранее, но пока получалось только неудобно и на ходу.

Марта сидела рядом молча, сцепив руки на коленях. Через несколько минут она всё-таки не выдержала и спросила:

— Что будет в Палате?

Эстен посмотрел сначала на неё, потом на меня.

— Хранительница проверит основание и предложит леди Мире принести личную клятву.

— И тогда станет ясно, был брак или нет? — спросила я.

— Нет. Коронный огонь не показывает прошлое.

Прекрасно устроено: я собиралась рисковать жизнью перед магическим огнём, который даже не отвечал на главный вопрос.

— А что он делает?

Эстен поправил папку на коленях и несколько мгновений он молчал, и я снова не стала торопить. Если человеку требуется решиться на неприятный ответ, лучше не подсказывать удобный.

— Огонь принимает клятву и требует опору. Если в заявлении есть настоящая память и намерение, он связывает их с документом. Если опоры нет, берёт другую личную память.

— Берёт в каком смысле?

— Удаляет.

Марта резко повернулась ко мне и заявила:

— Ты этого не сделаешь.

Сказала так уверенно, будто ещё могла отвезти меня обратно, запереть в спальне и выдать замуж по прежнему плану. Возможно, именно этого ей сейчас и хотелось.

— Какую память забирает огонь? — спросила я у Эстена.

— Никто не выбирает. Иногда лицо, иногда голос, запах, прикосновение. Бывает, исчезает событие целиком.

Я отвернулась к окну, за которым мелькали дома, и вспомнила, что на соседнем сиденье разбитой машины лежал телефон, и мама говорила: «Мариш, ты только не сердись...» Дальше я не дослушала. Теперь уже никогда не узнаю, что она хотела сказать, но её голос пока оставался со мной — низкий утром, быстрый, когда она волновалась, мягкий, если просила о чём-то, что давно решила сама.

У Миры не было воспоминаний, которыми я могла бы пожертвовать. Всё настоящее, что я помнила, принадлежало Марине.

— До какого момента я могу отказаться?

— До первого слова клятвы, — ответил Эстен и сразу достал лист. — Я внесу, что вам объяснили цену и право отказа.

Получалось, что даже мой последний шанс передумать сначала требовалось правильно оформить, зато теперь я хотя бы знала точную границу, после которой поздно будет жаловаться и огню, и самой себе.

— Вы всегда всё записываете?

— Сегодня — особенно.

Он сказал это совершенно серьёзно, а мне почему-то стало спокойнее. Не потому, что запись спасала, просто рядом находился хотя бы один человек, который понимал: этот день потом придётся кому-то объяснять.

Палата клятв занимала низкое круглое здание возле дворца. Перед входом сидели каменные драконы, размытые дождями до выражения глубокой усталости. В этом выражении я неожиданно узнала собственное.

Внутри мы вошли на последнем предупредительном ударе. Марте пришлось остаться во внешнем дворе, и она перед дверями снова попыталась удержать меня за руку.

— Мира, можно ещё остановиться.

— Можно, — согласилась я. — И сразу вернуться к Орену.

Она опустила руку, так и не предложив другого варианта.

Внутри пахло горячим металлом и можжевельником, от чего тревога стала почти осязаемой. Посреди круглого зала стояла каменная чаша с золотым пламенем. Оно не трещало и не дымило, только колыхалось без ветра, словно замечало вошедших.

К нам подошла высокая седая женщина в тёмно-синем платье. На её запястьях были широкие металлические браслеты.

— Селия Ренн, хранительница Коронного огня, — представилась она. — Кто принял заявление?

Эстен назвал себя и передал папку, а Орен вошёл следом и остановился рядом со мной.

Селия посмотрела на него без особого почтения.

— Палата закрыта для заседаний Совета.

— Я сторона имущественного спора.

— Тогда стойте у стены и не мешайте стороне говорить самой.

Орен отошёл, и мне сразу понравилась эта женщина, хотя я старалась не делать окончательных выводов о людях после одной удачной фразы. Сегодня уже хватало мужчин, которые начинали с заботы и заканчивали договором на всё имущество.

Селия вскрыла печать Эстена, развернула свидетельство и поднесла к чаше. Красное крыло засветилось, а золотое пламя наклонилось к бумаге.

— Печать Рейнара Вальда подлинная, — произнесла она. — Имя и календарная дата внесены сегодня свежими чернилами. Указанное число относится к периоду до исчезновения короля.

— Прошу отдельно указать свежесть записи, — сказал Орен.

— Уже указано.

— Отдельной строкой.

Эстен раскрыл книгу, но писать не стал. Селия подняла голову и спокойно ответила:

— Ваша Светлость, факт не становится убедительнее, если записать его дважды.

Герцог сжал рукоять трости, однако спорить с хранительницей не продолжил. Видимо, в Палате его титул действовал заметно хуже.

Селия повернулась ко мне и объяснила, что печать доказывает только добровольную активацию бланка королём. Она не подтверждает моего имени, даты или самой церемонии. Клятва тоже не покажет прошлое — только свяжет моё заявление с личной ценой.

— Если я откажусь сейчас?

— Документ вернут в обычное расследование, а защита не возникнет.

То есть меня арестуют, архив заберут, тетрадь найдут, а Орен спокойно дожждётся, когда дом перейдёт кредиторам. Голос мамы останется со мной, но воспользоваться этим счастьем в крепости будет трудно.

— Если продолжу?

— Получите двадцать один день. Огонь заберёт память, которую сочтёт подходящей опорой.

Орен оттолкнулся от стены и напомнил:

— Вы уже не узнаете тётю и не помните похороны отца. Подумайте, что останется после ещё одной потери.

Он говорил о памяти Миры, а попал в мою. Случайно, конечно, но от этого не легче. Я снова услышала мамино «Мариш» так отчётливо, что захотелось зажать уши, хотя звук был внутри.

Селия не торопила, Эстен держал перо над книгой, Орен ждал, и вообще все мужчины сегодня почему-то прекрасно умели ждать, когда решение и цена принадлежали не им.

Я подошла к чаше и положила ладонь на холодный металл.

Я могла отступить, сохранить воспоминания и отдать своё будущее людям, которые уже всё решили. Можно было продолжить и потерять часть прежней жизни ради чужого имени, чужого дома и двадцати одного дня.

Выбор выглядел отвратительно, зато впервые за утро он был моим.

— Я, Мира Альвейн, заявляю, что состояла в браке с Рейнаром Вальдом, королём Эльгарда, до его смерти и имею право на статус его вдовы.

После первых слов золотая нить обвила запястье. Боли не было, только тепло, а перед глазами появилась мама у окна моей квартиры. Она держала телефон плечом, поправляла занавеску и что-то рассказывала. Я помнила каждое движение, видела морщинку между бровями, могла повторить слова.

Но голоса больше не слышала, сколько ни пыталась.

Я попробовала вспомнить, как она смеялась, как звала меня из кухни, как сердилась. Картинки появлялись одна за другой, губы двигались, но вокруг стояла тишина.

Огонь не вырвал память целиком, а оставил всё, кроме того, что делало её живой.

— Назовите цену, — сказала Селия.

Мне пришлось сглотнуть, прежде чем ответить:

— Голос матери.

Эстен записал, Орен промолчал, а я не стала смотреть, какое у него выражение: сочувствие мне от него не требовалось, а удовлетворение видеть не хотелось.

Селия коснулась моего запястья, и под кожей проявилась тонкая золотая дуга.

— Клятва принята как личное заявление. Истинность брака не установлена. Вдовья защита действует двадцать один день: имущество Альвейн не передаётся, заявительницу нельзя заключить по наследственному делу, а коронационная процедура приостанавливается до проверки.

Последнее прозвучало особенно неприятно, поэтому я спросила:

— Какая коронационная процедура?

— Передача королевского ядра регенту, — ответил Орен.

Я собиралась задержать выдачу отцовского архива, а заодно остановила чужую коронацию. Очень в моём стиле: решать одну проблему так, чтобы сразу получить государственную.

Селия потребовала передать всё, что я вынесла из тайника вместе со свидетельством. Тетрадь под корсажем тут же стала вдвое тяжелее.

— Там больше ничего не было, — сказала я и сразу поняла, что сказала плохо.

Хранительница посмотрела на платье и заметила:

— На ткани видна прямоугольная вмятина. Можете отдать предмет добровольно или дожидаться женщины-стража.

Спорить было бессмысленно, а переданная Палате тетрадь хотя бы попадала в опись, а не исчезала в доме Орена. Я достала её и продиктовала Эстену описание.

— Почему вы скрыли находку? — спросил герцог.

— Потому что вы просили архив целиком. Это не располагало к откровенности.

Селия закрыла тетрадь в отдельном футляре, и в этот момент наружная дверь распахнулась, и в зал вбежал молодой стражник. Он остановился на пороге, попытался поклониться, но дыхания на церемонию не хватило.

— Госпожа хранительница, из южных ворот срочное сообщение. Нашли живого дракона с королевской меткой. Он назвал себя Рейнаром Вальдом.

Я посмотрела на золотую дугу под кожей.

За одно утро успела стать невестой, преступницей и вдовой, а теперь покойный муж решил лично вернуться и проверить, как я распорядилась его именем.

Глава 3

Новость о живом короле не отменила мою клятву, не вернула мамин голос и не заставила Орена исчезнуть со стены Палаты. Она только сделала вдовство особенно неудачным выбором профессии.

Стражник повторил сообщение уже медленнее: дракона нашли возле старой границы, привезли через южные ворота, на нём была королевская метка и чёрный подавляющий браслет. Мужчина называл себя Рейнаром Вальдом и требовал встречи с регентом.

— Кто его видел? — спросила Селия.

— Дежурная смена, капитан Корт и люди регента.

Орен сразу подошёл ближе к столу и заявил:

— Тогда основание претензии исчезло. Леди Альвейн должна быть задержана до выяснения личности найденного.

Ну конечно, живой король для меня был катастрофой, а для герцога — просто новым пунктом в заявлении. Удивительно удобный склад ума: любой человек, документ или смерть быстро превращались у него в довод в собственную пользу.

Эстен снова открыл книгу и возразил:

— Претензия зарегистрирована до получения известия. Новое обстоятельство вносится отдельно.

— Она заявила вдовство. Если муж жив, заявление ложно.

— Если найденный — король, — уточнила Селия. — Пока он только назвался его именем.

Орен повернулся к ней, но хранительница уже закрывала футляры. Спор он продолжать не стал, и я решила, что, возможно, понял, что здесь никто не собирается объявлять меня преступницей только ради экономии времени. Или просто решил отложить удовольствие до дворца.

Селия распорядилась доставить меня, документ и протокол к регенту. Тетрадь осталась в Палате под печатью, Эстен понёс книгу, будто она была единственным предметом в городе, которому ещё можно доверять, а Орен отправился рядом, потому что добровольно пропускать продолжение моего падения явно не собирался.

Марту мы нашли во внешнем дворе, и, увидев моё запястье, побледнела и сразу спросила, что забрал огонь. Отвечать не хотелось, но скрывать уже было бессмысленно.

— Голос матери.

— Мой голос? — прошептала она.

Женщину, считавшую себя моей тётёй, я слышала прекрасно — даже слишком часто за последнее утро.

— Нет. Другой матери.

Марта замерла, и я сразу поняла, что сказала лишнее. Не всю правду, конечно, но достаточно, чтобы в её глазах появилось новое подозрение.

— После падения я не помню прежнюю жизнь Миры, — добавила я прежде, чем она успела спросить. — Иногда остаются привычки, но не люди и события. Я не знаю, что именно со мной произошло.

Это было почти честно и при этом не требовало рассказывать про автомобиль, телефон и мир, где драконы встречались только в книгах. Марта смотрела долго, потом коснулась моей щеки и тут же убрала руку.

— Ты совсем другая.

— Я уже поняла.

— А моя Мира...

Она не закончила, и мне стало неловко. Для меня прежняя хозяйка тела была загадкой, а для Марты — живым человеком, который вчера ещё мог проснуться. Я не знала, умерла ли Мира окончательно, обменялись ли мы местами или всё это ужасный магический сбой. Оправдываться перед тётёй мне было совершенно нечем.

— Я не выбирала это, — сказала я тише. — Но постараюсь не разрушить всё, что ей принадлежало.

Марта закрыла глаза, словно от моих слов стало только тяжелее. Возможно, ей действительно стало только тяжелее. Потом она выпрямилась и помогла поправить рукав, закрывающий золотую дугу. Никакого прощения или доверия между нами не возникло, но она хотя бы не позвала стражу.

Во дворец мы ехали в разных экипажах. Марту отправили домой под наблюдением, а меня посадили с Селией и Эстеном. Орен следовал в следующем экипаже.

— Если найденный действительно Рейнар, что будет со мной? — спросила я.

Селия сидела напротив, положив руки на металлический футляр со свидетельством.

— Живой супруг отменяет статус вдовы, но не автоматически отменяет клятву и защиту. Сначала Палата должна установить, может ли он быть стороной вашего брачного спора.

Объяснение звучало разумно, но только до того момента, пока я представляла, как живой мужчина при всём дворе сообщает, что понятия не имеет, кто такая его жена.

— А если он скажет, что впервые меня видит?

— Это ожидаемо, если он потерял память.

Вот и отлично: моё спасение держалось на том, что предполагаемый супруг ничего не помнит. С точки зрения закона, возможно, допустимо; с точки зрения здравого смысла — повод сразу готовить камеру.

— Очень удобно для меня и очень подозрительно для всех остальных.

Эстен кашлянул в кулак, а Селия едва заметно улыбнулась.

— Удобство не является доказательством лжи, леди Мира. Как и неудобство — доказательством истины.

— Хорошее правило. Жаль, что Орен его не любит.

— Герцог любит правила, которые можно применить первым.

Вот теперь я окончательно решила, что хранительница мне нравится. Осталось не забывать: нравиться человеку и быть на его стороне — вещи разные.

У дворца было слишком много лестниц, колонн и вооружённых мужчин. Нас провели через внутренний двор к длинной галерее. Возле арки стоял капитан стражи — высокий, широкоплечий, с тёмными волосами и лицом человека, который давно не спал. Селия назвала его Дареном Кортон; он держал руку возле меча и смотрел на закрытые двери напротив.

— Где найденный? — спросила она.

— В малом тронном зале. Браслет не снимается, метка повреждена. Лекарь подтвердил, что он дракон, но к ядру его пока не допустили.

— Он вас узнал?

Дарен немного помолчал, прежде чем ответить:

— Назвал по имени.

Больше капитан ничего не добавил, и лицо у него осталось неподвижным, только пальцы на рукояти меча сжались. Я не знала, рад он, напуган или чувствует вину, зато их знакомство сомнений не вызывало.

Когда двери открыли, первым я увидела мужчину у дальней колонны. Высокий, худой не от природы, а от долгой болезни или голода, в чужой тёмной рубашке и с чёрным металлическим браслетом на правой руке. От запястья вверх уходили красные линии, похожие на ожоги. Волосы были почти чёрными, лицо усталым и резким, а глаза — светлыми, серыми с золотым ободком.

Красивый, отметила я и тут же мысленно обругала себя. Самое время оценивать внешность мужчины, которого утром объявила мёртвым супругом. Видимо, новая жизнь плохо влияла не только на память, но и на приоритеты.

Его взгляд прошёл по вошедшим, задержался на Селии, потом на Дарене.

— Дарен.

Капитан склонил голову и ответил:

— Ваше Величество.

Титул прозвучал громко, и несколько стражников у стены переглянулись, а мужчина возле колонны чуть расслабил плечи. Изменение было совсем небольшим, но я всё-таки его заметила. Значит, хотя бы один человек здесь признал его не по приказу.

Возле трона ждал Кассиан Вальд, которого представили как регента и младшего брата короля. Родство угадывалось сразу: те же тёмные волосы, линия скул, разрез глаз. Только Кассиан был безупречно одет, спокоен и явно не проводил последние месяцы в плену или дороге.

— Если это ты, я рад, что решение о смерти оказалось ошибочным, — сказал он.

Взгляд Рейнара скользнул к брату, затем к пустому трону.

— Радость у тебя всегда звучала как официальный ответ.

Я ожидала, что Кассиан вспылит, но он только предложил назвать то, что может знать король. Началась семейная проверка: тайник в кабинете, письма матери, шрам под коленом, груши, которые регент перестал есть в детстве. Рейнар отвечал без лишних подробностей, иногда с таким выражением, словно всё это было ниже его достоинства, но спорить с необходимостью не собирался.

По пальцам Кассиана, сжавшимся за спиной, я решила, что хотя бы часть ответов точна. Однако лицо регента всё это время оставалось спокойным.

— Семейные сведения мог получить другой человек, — произнёс он.

— Тогда задай вопрос, ответ на который не оставлял в письмах, — отозвался Рейнар.

Селия остановила спор: личность, метку и право на Испытание короны будут проверять отдельно. Сначала нужно решить вопрос с брачным свидетельством.

Все посмотрели на меня, и наступило самое неприятное мгновение этого бесконечного дня. Мужчина, чьё имя я вписала в документ, стоял в нескольких шагах и выглядел достаточно живым, чтобы лично спросить, когда именно успел жениться.

Рейнар скользнул взглядом по моему лицу, платью и золотой дуге на запястье.

— Мы знакомы?

Говорил он спокойно, без обвинения, но мне всё равно захотелось спрятать руки за спину, словно свежие чернила могли проступить на пальцах.

— Нет. Сегодня мы видимся впервые.

В зале стало тихо, а Кассиан повернулся ко мне всем корпусом, Орен рядом едва заметно усмехнулся. По его едва заметной усмешке я решила, что хотя бы одному человеку в зале наконец стало хорошо.

— Тогда объясните, — сказал регент.

Можно было придумать тайную встречу, обещание, письмо или церемонию в лесу. Только вокруг стояли люди, которые знали Рейнара, а сам он не помнил восемнадцать месяцев. Любая красивая ложь прожила бы до второго вопроса и сделала моё положение ещё хуже.

— Я нашла в архиве отца пустой брачный бланк с его кровной печатью. Сегодня утром вписала своё имя и поставила дату из его тетради — за три дня до вашего исчезновения.

Орен сразу шагнул к Эстену и потребовал:

— Признание подделки внесите дословно.

— Свежесть записи уже внесена, — ответил регистратор, но перо всё равно поднял.

Рейнар продолжал смотреть на меня, и в его лице ничего не изменилось, только взгляд стал внимательнее.

— Зачем?

Этот вопрос прозвучал уже лично, не как требование Совета и не как обвинение Орена.

— Меня собирались выдать замуж за герцога вместе с домом и архивом отца. Если бы я отказалась, в полдень меня отправили бы в долговую крепость. Ваш документ давал право на проверку и двадцать один день.

— Поэтому вы сделали меня мёртвым мужем.

— Мёртвым вас сделал Совет. Я только воспользовалась уже оформленным решением.

У Дарена возле двери дёрнулась щека; возможно, он сдержал улыбку, а возможно, хотел возразить. Рейнар повернулся к регенту и спросил:

— Совет признал меня погибшим?

— После восемнадцати месяцев без следа, — ответил Кассиан. — По закону.

Два слова «по закону» прозвучали так, будто ими можно было закрыть восемнадцать месяцев чужой жизни, похороны без тела и уже назначенную передачу короны. Рейнар, судя по тому, как посмотрел на брата, услышал примерно то же самое.

— И назначил твою коронацию.

— Стране нужен носитель ядра. Щит слабеет.

Я не понимала половины сказанного, но главного хватало: пока Рейнар считался мёртвым, Кассиан собирался получить корону, а моя претензия остановила процедуру. Неудивительно, что регент смотрел на меня без особой благодарности.

— Теперь, когда найден живой претендент, — сказал он, обращаясь ко мне, — вы можете отозвать заявление. Совет отдельно рассмотрит обстоятельства подделки и дела вашего отца.

Очень заманчиво: добровольно отказаться от единственной защиты и надеяться, что люди, уже отправившие меня в крепость, проявят снисхождение.

— Сначала я хочу понять, почему отец хранил королевскую печать и зачем Орону понадобился архив до официальной описи.

Герцог повернул голову и заметил:

— Вы опять произносите моё имя рядом с обвинением.

— Потому что вы опять стоите рядом с документом, который хотели получить.

— Леди Мира, — жёстко произнёс Кассиан, — речь сейчас не о герцоге.

— Для вас, возможно. Для меня речь о том, почему я должна доверить Совету расследование, если Совет уже решил мою судьбу до допроса.

Селия подняла руку, не давая регенту ответить. Потом объяснила Рейнару, что моя претензия позволяет требовать независимое Испытание личности и не даёт допросить нас раздельно до решения Палаты.

Выслушав её, он спросил:

— Если она отзовёт заявление, кто решит, настоящий ли я король?

— Совет назначит проверку метки, — ответил Кассиан.

— Тот самый Совет, который признал меня мёртвым.

Регент сжал губы и ответил:

— Ты вернулся с повреждённой меткой, провалом памяти и неизвестным браслетом. Осторожность необходима.

— Тогда независимая проверка не должна тебе мешать.

После этого Рейнар повернулся ко мне:

— Если я подтверждаю возможность брака до Испытания, вы потребуете полную проверку моей личности?

Вот теперь наш разговор окончательно перестал быть знакомством и превратился в сделку. Моё имя давало ему процедуру, его — защиту мне. Романтики в этом не было, зато условия получались честнее прежних.

— Потребую, если вы не отдадите архив Орону или Совету без описи и доступа Палаты.

— Вы торгуетесь моим именем.

— Это единственное имущество, которым мне сегодня разрешили распорядиться самостоятельно.

На этот раз уголок его рта действительно дрогнул. Изменение было совсем небольшим, но я его увидела. Возможно, фраза ему понравилась, а возможно, он просто удивился моей наглости.

Селия велела внести переносную чашу Коронного огня. Рейнар должен был признать возможность брака в утраченный период и принять меня как связанную сторону до Испытания. Цена оставалась прежней и по-прежнему означала личную память.

— Что потеряли вы? — спросил он, глядя на мою дугу.

— Голос матери.

Он не стал говорить, что сожалеет, и правильно сделал, потому что мы были знакомы меньше часа, а пустые утешения в такой момент звучали бы хуже молчания.

Рейнар положил ладонь на край чаши и произнёс формулу. Золотая нить обвила его запястье, чёрный браслет вспыхнул красным, и мужчина резко втянул воздух. Дарен шагнул вперёд, но остановился, когда Рейнар не убрал руку.

После клятвы под его кожей появилась встречная дуга.

— Назовите цену, — сказала Селия.

Рейнар нахмурился, оглядел зал и медленно сжал пальцы.

— Не знаю. Чувствую, что чего-то нет, но не понимаю чего.

Мне стало не по себе, потому что он и так потерял восемнадцать месяцев, а теперь добровольно отдал ещё кусок памяти ради права доказать собственное имя. Значит, либо был очень уверен, что король, либо выбора у него оставалось не больше, чем у меня.

Селия объявила наши претензии связанными и пояснила, что до Испытания нас нельзя было допрашивать раздельно, вывозить из дворца или лишать доступа друг к другу. Кассиан распорядился разместить нас в гостевых покоях королевского крыла под охраной.

— В одних покоях? — переспросила я.

— Две спальни и общая гостиная, — уточнила Селия. — Закон защищает связанную пару от раздельного давления, но не требует делить постель.

Вот наконец-то правило, составленное человеком с остатками здравого смысла.

Нас повели к боковой двери, и Рейнар шёл рядом, охрана окружала нас с обеих сторон. На лестнице его взгляд задержался на золотых дугах и вернулся ко мне.

— Теперь, жена, вы расскажете всё сначала.

Он произнёс это без улыбки, но в голосе уже не было прежней холодной отстранённости. Скорее усталость и требование наконец перестать удивлять его новыми преступлениями.

— Сначала мы договоримся, как вы будете меня называть, — ответила я. — Потом установим границы, а уже после этого я расскажу всё, что действительно знаю.

Рейнар задержал на мне взгляд и ничего не сказал.

Его молчание я решила считать временным согласием, потому что в конце концов, за сегодняшний день это был самый приличный вариант ответа, который мне предложил мужчина.

Глава 4

Гостевые покои были слишком уютными для места, где собирались держать под охраной спорного короля и женщину, которая утром незаконно назначила себя его женой. Светлая гостиная, два мягких кресла, камин, стол с вазой без цветов и две двери в спальни, расположенные друг напротив друга. Между ними стоял бронзовый подсвечник весом примерно с хороший довод, и я сразу отметила его на случай, если семейный разговор пойдёт хуже, чем ожидалось.

Стража закрыла наружную дверь, и засов щёлкнул с той стороны, окончательно объяснив, насколько добровольным считалось наше совместное проживание.

Рейнар дождался, пока шаги стихнут, и только после этого повернулся ко мне.

— Теперь, жена, расскажите всё сначала.

Значит, подсвечник я заметила не зря, хотя для начала решила обойтись словами.

— Начнём с обращения. Леди Мира меня вполне устраивает.

Он посмотрел на золотую дугу у меня на запястье, потом на свою. Чёрный браслет закрывал часть знака, и красные линии под металлом всё ещё выглядели так, будто кожа не решила, ожог это или предупреждение.

— Коронный огонь назвал вас связанной супругой.

— Коронный огонь подтвердил, что мы оба заплатили памятью за право спорить перед законом. Никаких супружеских привычек, обязанностей и радостей семейной жизни к дуге не прилагалось.

Рейнар не ответил, а прошёлся по комнате. Проверил оконные защёлки, решётку камина, обе спальни и даже заглянул за штору, хотя там мог спрятаться разве что очень худой заговорщик. Я наблюдала за ним и постепенно переставала считать осмотр попыткой проигнорировать разговор. Человек, которого восемнадцать месяцев держали неизвестно где, имел право сначала убедиться, что новая клетка хотя бы не содержит сюрпризов.

В спальню справа он вошёл первым, задержался у окна и вернулся в гостиную.

— Я займу эту комнату. Из неё видна входная дверь.

— Прекрасно. Левая моя, и без стука туда никто не входит, даже если внезапно вспомнит, что женат.

— Если я внезапно вспомню брак, это станет доказательством.

— Тогда сначала расскажете Селии, потом поступите.

Уголок его рта едва заметно дрогнул, хотя, возможно, мне только показалось: мужчина тут же снова стал серьёзным и сел в кресло так, чтобы видеть дверь, окно и меня одновременно. Привычка контролировать пространство у него явно была старше браслета.

Я выбрала кресло у стены, оставив между нами стол, вазу и столько недоверия, что при желании им можно было накрыть весь дворец.

— Леди Мира, — произнёс он уже без «жены». — Я слушаю.

— Сначала условия.

Он медленно выдохнул и откинулся на спинку кресла.

— Вы вписали своё имя в мой документ, остановили коронацию, заставили меня принести клятву и теперь хотите поставить условия разговора.

— Именно поэтому. Сегодня я уже видела договор, в котором одна сторона заранее получала дом, земли, деньги и право решать за вторую. Второй такой документ я подпишу только после чтения.

В прежней жизни клиенты часто обижались, когда после смерти родственника я просила их не делить квартиру прямо в коридоре нотариальной конторы. Рейнар смотрел примерно

так же: не спорил с самой необходимостью условий, зато выражение лица ясно показывало, насколько ему не нравится, что предложила их я.

— Говорите.

— В мою спальню без стука не входить, — начала я. — Ко мне не прикасаться без разрешения, если только на нас не падает потолок, не нападает убийца или я не теряю сознание. От моего имени не приказывать и перед Советом не изображать права мужа, которых я вам не давала.

На словах о прикосновениях его взгляд на секунду опустился к моим рукам. Ничего особенно романтического там не было: на одном запястье золотая дуга, на другом следы от слишком тугого рукава. Однако мне всё равно стало неловко, словно я обсуждала брачную ночь, а не право не быть схваченной без предупреждения.

— И всё, что я сообщу для проверки, не уходит в Совет за моей спиной, — закончила я. — Если захотите передать сведения, сначала скажете мне.

— Теперь мои условия, — сказал он. — Вы не используете моё имя, имущество и полномочия без согласия. Не скрываете документы, людей и сведения, связанные с бланком, моим исчезновением и вашей семьёй. Не заключаете сделок с Ореном, Кассианом или Советом. Если появляется риск для моей личности, метки или ядра, сообщаете немедленно.

Последняя фраза прозвучала особенно удобно: он определяет риск, я докладываю, а дальше, видимо, благодарю за участие и стараюсь не мешать королю принимать правильные решения.

— Кто решает, что считать риском?

— Я.

— Тогда договора не будет.

Я поднялась и подошла к окну, потому что сидеть под его взглядом и спокойно объяснять очевидное начинало раздражать. Во дворе менялся караул, стражники двигались по заранее размеченным местам, и никто не спрашивал, нравится ли им маршрут. Мне такой порядок уже предлагали сегодня дважды: сначала Орен, потом Совет. Третий мужчина мог хотя бы проявить фантазию.

— Я восемнадцать месяцев не помню собственной жизни, — сказал Рейнар за моей спиной. — На руке браслет, который не могут снять дворцовые лекари. Брат готовится занять трон, а женщина, которую я вижу впервые, использовала мою печать. Вы считаете, что я должен позволить ей самой решать, что опасно?

В его голосе не было прежней холодности. Усталость — да, раздражение — тоже, а под ними то, что я слишком хорошо понимала: окружающие знают о твоей жизни больше тебя и уже успели распорядиться ею в твоё отсутствие.

Я повернулась к нему, уже не пытаясь смягчить ответ.

— Нет. Я считаю, что мы должны решать вместе. Один называет факт, второй объясняет, почему считает его безопасным. Если объяснения нет, риск признаётся до проверки.

Рейнар несколько секунд смотрел на меня молча, а я не стала добавлять ни угроз, ни красивых формулировок, потому что в этот момент они только испортили бы смысл.

— Принимается, — сказал Рейнар. — Временно.

— Всё наше супружество пока временное.

На этот раз он точно улыбнулся, хотя сразу отвернулся к камину и сделал вид, что рассматривает решётку.

Прежде чем кто-то из нас успел продолжить, в дверь постучали, засов отодвинули, и в гостиную вошла Селия в сопровождении двух стражников. Один нёс поднос с ужином, второй — металлический футляр с тетрадью отца. Я сразу посмотрела на него, и хранительница это заметила.

— Тетрадь разрешено осмотреть только здесь, под внутренней печатью Палаты. Вынести, повредить или переписать целиком нельзя. Утром футляр проверяют.

Рейнар сразу поднялся навстречу футляру.

— Кто уже читал записи?

— Я и двое хранителей. Шифр не снят. Кассиан получил опись, Орен — отказ в копии.

Она отвечала коротко и без желания оправдываться. По крайней мере, один человек во дворце не считал, что королевский титул автоматически открывает все чужие шкафы.

Я показала на бумагу и чернила, оставленные рядом с ужином.

— Нам нужен немагический договор. Два экземпляра и регистрация факта существования, без содержания.

Селия посмотрела сначала на меня, потом на Рейнара.

— Оба согласны добровольно?

— Пока да, — ответил он.

— Тогда Эстен принесёт чистую бумагу. Немагическое соглашение не отменит закон и клятву, но станет доказательством, если кто-то позже решит, что сегодняшних границ не существовало.

При слове «позже» Рейнар потёр край чёрного браслета; возможно, металл снова нагрелся, а возможно, он просто вспомнил о пустом месте в памяти. Спрашивать я не стала, потому что иногда уважение к границам начиналось именно с вопроса, который ты решил не задавать.

После ухода Селии мы занялись ужином, и Рейнар прежде всего поменял местами наши тарелки, попробовал воду из моего кубка и лишь потом прикоснулся к своему хлебу.

— Вы считаете, что нас отравят? — спросила я.

— Я считаю, что человек, вернувшийся в день чужой коронации, должен проверять еду.

— Но тарелки вы поменяли со мной. Если яд был предназначен вам, теперь он у меня.

— А если вам — у меня. После обмена отравителю придётся признать, что план составлен плохо.

Я снова посмотрела на тарелки и решила, что его рассуждение настолько ненормальное, что почти успокаивает: по крайней мере, безумие подчинялось логике.

— Очень заботливо.

— Поэтому я проверил обе.

Вернув тарелки на прежние места, Рейнар спокойно занялся хлебом, а поблагодарить у меня не получилось, потому что я не понимала, благодарят ли королей за то, что они не позволяют тебе случайно съесть яд, предназначенный им самим.

Эстен передал бумагу через стражу и остался за дверью ждать регистрации. Писала я, потому что Рейнар посмотрел на местное перо так, будто любое оружие было ему привычнее. Когда он встал у моего плеча, я подняла голову, и он без замечаний перешёл на другую сторону стола, так что первая граница заработала раньше подписи.

Мы не стали превращать договор в список из сотни пунктов. Я записывала спорные зоны, а формулировку обсуждали до тех пор, пока оба не находили в ней новую возможность обмануть другого. Так закрепили отсутствие личных и имущественных прав на основании непроведённого брака, исключение для Испытания личности и защиты от раздельного давления, обмен доказательствами, связанными с бланком, исчезновением, обвинением Эдвара и коронацией, а также право каждого отложить личное признание, если оно пока не создаёт общего риска.

На последнем пункте Рейнар коснулся пальцем края листа.

— Вы не помните тётю, дом и собственного отца, но читаете наши законы и спорите о документах так, словно делали это много лет. Откуда навыки?

На этом спокойная часть вечера закончилась, потому что я могла рассказать об аварии, прежнем мире и тридцати пяти годах чужой для них жизни, а потом наблюдать, как меня

передают лекарям, магам или людям с особенно надёжными замками. Пока никто даже не знал, жива ли прежняя Мира. Устраивать публичное признание в краже тела было рано.

— После обморока исчезли личные воспоминания Миры. Язык, письмо и некоторые навыки остались. Откуда именно взялись остальные, я пока не понимаю.

— Это не ответ.

— Это всё, что я готова сказать человеку, которого знаю несколько часов и который начал знакомство с требованием рассказать всё.

Рейнар посмотрел на меня долго, но не приблизился и не повысил голос.

— Запишите взаимное право отложить личный факт, если он не влияет на текущую угрозу. Когда влияние появится, право заканчивается.

Я добавила формулировку, отмечая про себя, что он мог продолжить давить, однако вместо этого превратил моё уклонение в правило, которому будет подчиняться и сам. Такой способ получать доверие был значительно опаснее угроз: хотелось ответить тем же.

— Что вы помните перед исчезновением? — спросила я.

Рейнар провёл ладонью по лицу и некоторое время смотрел на пламя в камине.

— Северную дорогу. Дарена рядом. Башню на границе и Эдвара Альвейна у ворот. Потом холодный камень, запах мокрой шерсти и чей-то голос за стеной, но эти обрывки не складываются в день или место.

Мой отец находился возле башни вместе с королём до его исчезновения. Значит, бланк, тетрадь и обвинение появились рядом не случайно. Хотелось сразу задавать вопросы, однако по тому, как Рейнар сжал пальцы, я поняла: больше последовательной памяти он сейчас не достанет, сколько бы мы ни смотрели на него с ожиданием.

— А что забрал огонь?

— Не знаю. Есть пустое место, но вокруг него ничего нет.

— У меня голос матери.

Он поднял глаза. Я ожидала сочувствия и заранее злилась на него, хотя он ещё ничего не сказал. Пустое «мне жаль» от незнакомца ничего бы не изменило, зато заставило бы отвечать, что всё в порядке, а это была бы уже вторая ложь за день на ту же тему.

Рейнар промолчал, и за это я неожиданно почувствовала благодарность.

Потом он посмотрел на огонь и медленно произнёс:

— Я помню лицо своей матери, её письма и песню, которую она пела Кассиану, когда он болел. Но не помню, как она произносила моё имя. До клятвы помнил.

Получилось почти неприлично точное совпадение: огонь забрал у нас обоих голос матери, только у меня — весь звук, а у него — одно личное обращение. Я не стала говорить, что теперь понимаю. Чужая утрата не становится меньше от правильного сравнения.

Пункт о прикосновениях занял больше времени, чем хотелось. Контакт разрешился при падении, нападении, медицинской помощи и попытке неконтролируемого превращения. Последнее предложил он сам: браслет подавлял переход, но повреждённая метка могла сорваться.

— В таком случае я имею право вас остановить, — сказала я.

— Вы должны отойти и позвать стражу.

Взгляд упёрся в запёртую снаружи дверь.

— Конечно. Постучу и вежливо попрошу войти, пока вы превращаетесь в дракона в гостиной.

Рейнар тоже посмотрел на засов.

— Вижу проблему, — признал он.

Поэтому в договор вошло право на разумное действие для немедленной безопасности.

— Разумность будете определять после того, как ударите меня подсвечником? — спросил он.

— Если вы станете драконом между креслом и вазой, подсвечник окажется самым разумным предметом в комнате.

Он прикрыл рот пальцами, однако я всё равно увидела улыбку. Красивый мужчина, усталый, опасный и, к моему раздражению, способный понимать шутки. Для человека, которого я собиралась использовать исключительно как юридическую защиту, у него становилось слишком много личных качеств.

Последней осталась публичная нейтральность.

— Вы не называете меня мошенницей, — сказала я.

— А вы не называете меня самозванцем.

— До Испытания каждый признаёт право другого на проверку.

Рейнар сам дописал эту строку, после чего мы одновременно поставили подписи.

Золотые дуги не отозвались, и обычные чернила показались почти приятным изобретением: ничего не нагревалось, не лезло в память и не требовало жертв кроме времени и терпения.

Эстен зарегистрировал факт соглашения через дверь и вернул по экземпляру, а затем мы открыли футляр с тетрадью, печать которого потребовала приложить обе золотые дуги одновременно, поэтому пришлось положить руки на металл с разных сторон. Между пальцами оставалось несколько сантиметров, но тепло чужой кожи всё равно чувствовалось. Я отвела взгляд к замку и решила, что это исключительно магическая процедура, а не повод замечать руки человека, которого ещё утром не существовало в моей жизни.

Тетрадь Эдвара оказалась похожа на плохо составленную бухгалтерию: даты, поместья, суммы, сокращения, перечёркнутые строки. Рейнар быстро исключил государственный шифр, потому что официальные коды, по его словам, маскировались лучше. Я стала читать записи как сделки и почти сразу увидела ошибки. Земля переходила от владельца за месяц до его смерти, выморочный дом возвращался человеку, которого в той же строке называли пропавшим, а один долг одновременно считался погашенным и переданным.

— Здесь намеренно нарушена логика перехода, — сказала я, разворачивая тетрадь к Рейнару. — Если читать только невозможные стороны сделок, остаются сокращения.

В первой записи получателем значился «Одр. Т.», хотя получателя у такого имущества быть не могло.

— Одрин Таль, — произнёс Рейнар без колебаний.

Одрин был хранителем Королевского очага и ушёл после конфликта с Советом за несколько недель до последней ясной памяти короля. В следующих ошибочных строках повторялись «Сер. ск.» и число семь в графе расстояния, поэтому Рейнар взял чистый лист и быстро набросал дорогу.

— Серые скалы. Монастырь на северо-востоке. Семь дней обычным экипажем, четыре — по королевской дороге со сменой лошадей.

— Почему отец не написал имя прямо?

— Одрин умел отличать добровольную кровную печать от снятой силой. Если Эдвар хранил бланк и искал независимого свидетеля, открытая запись стоила бы ему жизни ещё раньше.

Рядом с упоминаниями Очагов повторялся знак половины круга. Я вспомнила серебряную пластину, оставленную в тайнике кабинета.

— Там была ещё половина знака, — сказала я. — Серебряная, с зубчатым краем и линией, похожей на крыло.

Рейнар поднял голову так резко, что я уже знала вопрос раньше, чем он прозвучал.

— Почему вы её не забрали?

— Она тяжёлая, стражник ждал за дверью, а у платья не было карманов. Местная мода снова вмешалась в государственное расследование.

По моему описанию он узнал знак доступа в личные королевские покои. Одна половина оставалась у хранителя, вторая — в защищённом тайнике владельца комнат.

— Значит, в ваших покоях может быть ответная часть и карта, — сказала я. — Если их не вынесли после смерти.

— Если комнаты признали мою смерть, тайник мог закрыться навсегда.

— А если не признали?

Он посмотрел на золотую дугу, потом на тетрадь.

— Тогда завтра у Кассиана появится ещё одна причина не пускать нас туда.

Мне не нравились люди, которые заранее знали, что запретят. Особенно когда запрет касался единственной ниточки к отцу, брачному бланку и вопросу, почему я вообще проснулась в этом теле.

Я записала на чистом листе крупнее остальных строк имя Одрина Таля и Серые скалы, чтобы утром никто из нас не попытался убедить себя, будто разгадка только приснилась.

Тетрадь не доказала наш брак и не объяснила исчезновение Рейнара. Зато дала человека, который мог проверить печать, и место, где, возможно, лежал следующий ключ.

Для первого семейного вечера результат получился неожиданно приличным: мы не убили друг друга, подписали договор и нашли общую проблему, а на большее я пока не рассчитывала.

Глава 5

К утру наш договор дал первый практический результат: Рейнар не вошёл в мою спальню, я не бросила в него подсвечник, а стража за дверью не устроила проверку супружеского поведения. Для брака, который одновременно оспаривали Совет, Палата и сами супруги, ночь прошла почти образцово.

Спала я плохо, потому что сначала мешала чужая кровать, потом мысли об Одрине, потом попытки услышать мамин голос. В какой-то момент я поймала себя на том, что беззвучно повторяю её последнее сообщение, надеясь, что память устанет сопротивляться и вернёт хотя бы одно слово. Память не вернула ни звука, хотя лицо, интонационные паузы, даже привычное движение губ сохранились, а звук будто вырезали аккуратно, не задев ничего вокруг.

Утром в зеркало смотрела женщина с серыми кругами под глазами и слишком дорогой расчёской в волосах. Новое тело было моложе моего прежнего, но бессонница относилась к нему без уважения к возрасту.

На столе в гостиной уже стоял завтрак. Рейнар сидел возле окна и читал принесённое Селией уведомление. Его волосы были влажными, чужая рубашка сидела лучше вчерашней, а чёрный браслет всё равно портил впечатление, напоминая, что передо мной не свободный король, а очень хорошо охраняемое доказательство.

Я села напротив и потянулась к хлебу.

— Проверили?

— Обе тарелки, воду и масло.

— Масло тоже могут отравить?

— Всё можно отравить, если человек достаточно настойчив.

Начало дня получалось прекрасным: в прежней жизни я боялась, что клиенты подменят страницы завещания. Здесь приходилось уточнять безопасность сливочного масла.

Рейнар передал мне уведомление, из которого следовало, что Палата уже отправила людей в дом Альвейн за первой половиной знака, а проверку королевских покоев назначили на десять утра. Присутствовать должны были Кассиан, Селия, два члена Совета и капитан стражи.

Одним членом Совета оказался Орен, что совершенно не удивляло: если во дворце существовало событие, способное ухудшить моё положение, герцог каким-то образом получал приглашение раньше меня.

Вторым была Лаэрта Скайр, глава Северного крыла.

— Вы её знаете? — спросила я.

Рейнар разломил хлеб и некоторое время рассматривал крошки, словно имя требовало осторожности.

— До исчезновения она обвиняла меня в том, что щит над столицей крепче, чем защита границ.

— Была неправа?

— Нет.

Он не добавил оправданий, и это неожиданно понравилось мне больше, чем любой рассказ о сложной политической необходимости. Люди редко признают ошибку одним словом, особенно если у них есть титул, Совет и возможность назначить виноватым обстоятельства.

— Значит, она не ваша сторонница.

— Она сторонница работающего щита. Иногда это совпадало с моей стороной.

Очень удобный тип союзника: поддерживает ровно до тех пор, пока ты полезен. Впрочем, после Орена и Кассиана честное отсутствие преданности выглядело почти надёжно.

Нас вывели из гостевого крыла под охраной. Дарен шёл впереди, двое стражников — сзади, а Рейнар несколько раз смотрел на капитана, однако ни один не заговорил. После вчерашнего признания, что Дарен участвовал в последней поездке короля, молчание между ними ощущалось не пустотой, а дверью, которую оба пока не хотели открывать при свидетелях.

Королевское крыло находилось за внутренним двором, и чем ближе мы подходили, тем меньше дворец напоминал место для балов и красивых портретов. Исчезли ковры, слуги и декоративные столики, зато на стенах появились металлические пластины с выгравированными крыльями. Воздух пах грозой и нагретым камнем, хотя за окнами шёл мелкий холодный дождь.

Когда золотая дуга на запястье начала покалывать, я потёрла кожу через рукав.

— Это нормально?

Рейнар посмотрел на свою руку, где под браслетом светилась тонкая красная линия.

— Комнаты чувствуют владельца раньше двери.

— А женщину, которая вчера назвалась его вдовой?

— Сегодня узнаем.

Ответ был честным, но совершенно не успокаивал. Если комнаты решат, что я мошенница, Орен получит доказательство красивее свежих чернил. Если признают супругой, мне самой придётся объяснять, как они это сделали, ведь настоящего брака не было. Оставался третий вариант, в котором магия отказывалась давать удобный ответ и заставляла всех продолжать спор. Судя по предыдущему опыту, именно он был наиболее вероятным.

У высоких металлических ворот уже ждали Кассиан, Селия и Орен. Рядом стояла женщина лет сорока в серо-зелёном костюме без украшений. Тёмные волосы были собраны в простой узел, на левой щеке тянулся тонкий белый шрам. Она сначала осмотрела Рейнара, задержавшись на браслете, потом перевела взгляд на меня.

— Лаэрта Скайр, Северное крыло Совета.

Она назвала себя без длинного перечня должностей, и за одно это мне захотелось относиться к ней лучше.

— Мира Альвейн.

— За последние сутки о вас слышали даже там, где раньше не интересовались столичными браками.

Я не смогла понять, было это приветствием, упрёком или простым наблюдением. Голос оставался спокойным, а взгляд — слишком внимательным, чтобы считать её доброжелательной.

— Надеюсь, обсуждали хотя бы правильное написание имени.

Лаэрта лишь чуть подняла бровь, поэтому я не поняла, не понравилась ли ей шутка, а возможно, в Северном крыле улыбались только после официального разрешения.

Селия принесла первую половину знака в прозрачном футляре. Серебро оказалось темнее, чем я запомнила, а зубчатый край точно совпадал с рисунком в тетради. Хранительница зафиксировала присутствующих, время и цель проверки, после чего передала знак Рейнару через тонкую перчатку.

Кассиан занял место перед воротами и начал с ограничений:

— Комнаты могут подтвердить право доступа, но не личность для коронации и не брачный статус. Результат не заменяет Испытание ядра.

Он проговорил ограничения до начала проверки, словно заранее окружал возможный ответ забором. Каким бы ни оказался результат, регент уже подготовил формулировку, почему этого недостаточно.

— Это всё равно больше, чем решение Совета, который признал меня мёртвым, — ответил Рейнар.

Кассиан назвал проверку мерой предосторожности, и в разговорах братьев особенно быстро выяснялось, насколько растяжимым может быть одно слово: предосторожностью называли браслет, охрану, запрет на вход и возможность оставить короля без короны.

Рейнар положил ладонь на центральную пластину, после чего несколько секунд ничего не происходило, потом выгравированные крылья разошлись, и по стенам прошёл тёплый золотой свет. В глубине коридора один за другим загорелись светильники. Запах дыма и сухих трав стал сильнее, а воздух вокруг словно перестал ждать чужого решения.

Комнаты признали его быстрее людей, а Кассиан остался на месте, только пальцы за спиной сцепились плотнее. Орен посмотрел на Селию, будто ожидал юридического перевода. Лаэрта подошла к открывшейся арке и провела ладонью над светящейся линией.

— Владелец подтверждён, — сказала хранительница. — Это не завершает Испытание короны.

— Но подтверждает, что дворец не считает его чужим, — заметила Лаэрта.

Кассиан ответил, что комнаты можно обмануть сохранённым следом крови, однако продолжать спор не стал; по крайней мере, мне открытая дверь объясняла больше, чем все его оговорки.

Рейнар вошёл первым, а я сделала шаг следом и тут же отдернула руку: на пороге вспыхнула красная линия, жар ударил в ладонь и поднялся до локтя. Боль оказалась резкой, но быстро прошла, оставив кожу красной.

— Личная категория доступа не подтверждена, — произнесла Селия.

Орен посмотрел на золотую дугу у меня на запястье.

— Комнаты не признают её супругой.

Он сказал это слишком быстро, будто ждал именно такого ответа и боялся, что кто-нибудь предложит другой перевод. Очень хотелось заметить, что дверь вообще не разговаривала, но спорить с герцогом одними словами было бесполезно. Одними словами герцога было не сдвинуть, поэтому требовалась формулировка, которую можно проверить. Тетрадь говорила о знаке доступа, а не о брачном обряде. Значит, у двери должны быть другие категории: хранители, лекари, слуги, советники. Король вряд ли сам выносил золу из камина только потому, что личные покои не признавали посторонних.

— Как сюда входили люди, которые работали с королём? — спросила я у Селии. — Хранители, лекари, советники?

— По личному приглашению владельца или служебной категории.

— Связанная сторона Испытания относится к служебной?

Орен повернулся ко мне с таким видом, словно я опять нарушила естественный порядок вещей.

— Вы собираетесь спорить с королевскими покоями?

— Пока только с вашим толкованием. Дверь отказала мне во входе как супруге, но ничего не сказала о том, существовал ли брак.

По другую сторону порога стоял Рейнар, и по его лицу нельзя было понять, поддержит он попытку или решит, что одного публичного унижения с меня достаточно. Наш вчерашний договор разрешал доступ к общим доказательствам, и сейчас он мог впервые показать, что подпись под ним значила больше обычных чернил.

— Приглашаю леди Миру как сопровождаемую сторону Испытания личности, — сказал он.

Красная линия погасла, на металле появилась тонкая золотая полоса, и, коснувшись её второй раз, я почувствовала только тепло: порог меня пропустил.

В коридоре стало настолько тихо, что я услышала дождь за дальним окном.

Лаэрта посмотрела на Орена, потом на меня.

— Разница формулировок. Иногда государству полезно её помнить.

Мне всё больше нравилась эта женщина, хотя я по-прежнему не знала, поддержит ли она нас через пять минут.

Королевские покои оказались не парадными залами, а местом, где действительно жили. На спинке кресла висел старый плащ, возле камина стояла чашка с трещиной у ручки, на столе лежала раскрытая книга. Пыль покрывала всё тонким слоем, но никто не убрал вещи после исчезновения владельца. От этого возвращение Рейнара выглядело не торжественным, а почти неприлично личным, словно мы вошли в комнату человека раньше него самого.

Он остановился возле стола и провёл пальцами по краю книги. Движение получилось медленным, осторожным, а потом рука сразу убралась, будто предмет мог вернуть слишком много или совсем ничего.

— Помните её? — спросила я.

— До этой страницы. Что было после, нет.

Раскрытая книга оказалась сборником карт северных дорог, а между листами лежала засохшая веточка с мелкими белыми цветами. Рейнар посмотрел на неё, но не взял. Я тоже не стала спрашивать, кто положил ветку и почему её сохранили. За вчерашний вечер научилась хотя бы одному полезному правилу: пустое место в чужой памяти не обязательно заполнять вопросом.

Тайник обнаружился за панелью возле камина: первая половина знака вошла в серебряную выемку, стена отодвинулась на ширину ладони. Внутри лежали вторая пластина и сложенная карта. Когда части соединили, зубчатый край исчез, а на поверхности проявились крыло и круг.

Сложенная карта показывала дорогу к Серым скалам, возле монастыря стоял тот же знак, а на полях рукой Эдвара было написано: «Одрин подтвердит добровольность, если оба фрагмента целы».

Отцовский почерк я узнала не памятью, а по листам из кабинета. Странное чувство: знать руку человека лучше, чем его лицо.

— Два фрагмента доказывают, что печать поставили добровольно? — спросила я.

Селия перевернула знак и провела пальцем по проявившейся линии.

— Они подтверждают целостность пары ключей. Заключение о печати даст только хранитель Очага.

— Значит, нам нужен Одрин.

Кассиан подошёл ближе к карте и сразу отрезал:

— Поездка за пределы столицы исключена до Испытания ядра.

— Испытание невозможно без объяснения повреждённой метки, — ответил Рейнар. — Одрин может его дать.

Я уже приготовилась к очередному спору о полномочиях, когда из боковой двери донёсся шум. Не громкий — всего лишь быстрый шаг и шорох ткани, но Дарен у входа сразу потянулся к мечу.

Мужчина в форме дворцового служителя поднял руку, и в ней блеснул короткий нож.

Дальше всё произошло слишком быстро для красивых решений. Рейнар толкнул меня в сторону, лезвие прошло мимо его груди и полоснуло по предплечью. Боль обожгла, кровь сразу пропитала рукав, а я отступила к стене, прижимая ладонь к ране и очень стараясь не упасть. Новое тело уже пережило обморок, клятву и бессонную ночь; добавлять ещё и эффектное истечение кровью ему явно не хотелось.

Почти одновременно второй нападавший появился возле окна, пока стража ещё не успела войти, зато Дарен рванулся к первому. Металл ударился о металл, кто-то закричал, и комната, минуту назад хранившая засохшие цветы, превратилась в тесное место с двумя ножами и слишком большим количеством важных людей.

Рейнар развернулся ко второму мужчине, и красные линии под браслетом вспыхнули до локтя, воздух вокруг стал горячим, а тень на стене вытянулась, напоминая распахнутое крыло. Его пальцы согнулись, кожа на шее потемнела мелкой чешуёй, и по лицу прошла такая боль, что даже я поняла: браслет удерживает превращение не уговорами.

Вчера мы отдельно вписали в договор право остановить опасное действие, и тогда подсвечник казался шуткой, а сейчас в руке был только окровавленный рукав, а вокруг — люди, которых дракон мог спасти или раздавить вместе с нападавшими.

Я шагнула к Рейнару и схватила его за предплечье выше браслета, чувствуя, как кожа обжигает ладонь, но всё равно удержалась.

— По договору я имею право остановить опасное действие. Смотрите на меня и оставайтесь человеком.

Когда он повернул голову, золото в глазах стало ярче, и на мгновение мне очень захотелось последовать его прежнему совету: отойти и позвать стражу. Только стража уже была здесь и всё равно не могла заставить его услышать.

— Мира, отпустите.

Голос звучал ниже обычного, почти с рычанием.

— После того как перестанете пытаться снести собственные покои. Мы только нашли карту, будет обидно начинать ремонт.

Нелепая фраза вырвалась от страха, но сработала лучше приказа. Его взгляд сфокусировался на моём лице, пальцы медленно разжались, чешуя на шее исчезла. Красные линии под браслетом ещё несколько секунд горели, потом потускнели.

Я отпустила его только тогда, когда тень на стене стала человеческой; ладонь саднило, предплечье кровило, ноги дрожали, и очень хотелось присесть, но рядом лежал человек с ножом, поэтому достоинство пришлось отложить вместе с обмороком.

К этому времени Дарен прижал первого нападавшего к полу, второго держали возле окна, и оба были живы, но смотрели вокруг одинаково пусто. Один шептал, что не знает, где находится, второй повторял собственное имя и каждый раз называл разное.

Селия коснулась их лбов металлическим браслетом и резко убрала руку.

— Чёрная клятва. При провале стирает имя заказчика, приказ и мотив.

Один из мужчин заплакал, и ничего похожего на опасного убийцу в нём больше не осталось, только растерянный человек, который не помнил, зачем держал нож. Жалость пришла некстати и всё равно пришла. Кем бы он ни был до клятвы, теперь его использовали и выбросили вместе с памятью.

Лекарь обработал мой порез прямо в кресле Рейнара. Рана оказалась длинной, но неглубокой, ладонь от жара тоже не требовала ничего серьёзнее мази. Мне велели не напрягать руку, будто существовал удобный способ участвовать в государственном расследовании одной левой и без нервов.

Кассиан остался возле карты и несколько раз посмотрел на кровь на моём рукаве, но решение озвучил только после того, как Дарен доложил о чёрной клятве.

— Поездка к Серым скалам разрешена под охраной, с опечатанной копией маршрута и контролем Палаты над найденными доказательствами.

Орен возразил, что меня нельзя выпускать из столицы. Лаэрта напомнила о нападении внутри дворца и спросила, какое место герцог считает безопаснее. Ответа он не дал, только сильнее сжал трость.

— Командовать будет капитан Дарен Корт, — продолжил Кассиан. — Он знает северную дорогу и участвовал в последней поездке короля.

Рейнар повернулся к капитану.

— В той, из которой вернулся без меня?

Дарен поднял глаза; до этого он отдавал приказы, связывал нападавшего и говорил со стражей спокойно, но сейчас лицо стало жёстче.

— Да, Ваше Величество.

Объяснения не последовало, и Рейнар тоже не стал при всех спрашивать, почему капитан вернулся один. Между ними снова появилась та самая закрытая дверь, только теперь я знала, что за ней находится последняя поездка к границе и, возможно, начало восемнадцати потерянных месяцев.

Через четыре дня дороги нас ждал человек, способный объяснить печать и повреждённую метку. Командовать поездкой должен был мужчина, который уже однажды отправился с Рейнаром на север и вернулся без короля.

Для первого совместного путешествия сопровождение подобрали удивительно обнадёживающее.

Глава 6

Уехать из дворца было сложнее, чем объявить себя королевской вдовой.

Для вдовства мне понадобились пустая строка, чужая печать и достаточно отчаяния, чтобы не задумываться о последствиях. Для поездки к Серым скалам требовались разрешения Совета, Палаты клятв, дворцового лекаря, капитана стражи и, судя по выражению лица Орена, личное согласие каждого человека, которому хотелось оставить меня под рукой.

Я сидела в кресле Рейнара с перевязанным предплечьем и наблюдала, как взрослые мужчины делят моё ближайшее будущее, будто меня в комнате уже не было. Кассиан определял число сопровождающих, Дарен возражал против двух советских наблюдателей, Орен требовал отдельную охрану для меня, а лекарь продолжал затягивать бинт так старательно, словно именно от его узла зависела целостность государства.

— Если вы будете тянуть ещё сильнее, рука перестанет получать кровь, — заметила я.

Лекарь, седой мужчина с узкими губами, ослабил повязку и посмотрел на меня с тем раздражением, которое люди его профессии обычно берегут для пациентов, мешающих лечить себя правильно.

— Вам нужен покой минимум на три дня. Порез неглубокий, но дорога длинная, рана может открыться.

— Через три дня мы будем почти у монастыря.

— Именно поэтому вы останетесь во дворце.

Он сказал это так уверенно, что я даже посмотрела на Кассиана, не успел ли тот незаметно передать лекарю корону. Регент стоял у карты, склонившись к Дарену, и не вмешивался, пока решение принимал кто-нибудь другой.

— Если я останусь, Одрин получит карту без человека, чьё имя стоит на бланке, — ответила я. — И без золотой дуги, которая открывает футляр вместе с Рейнаром. Как вы предлагаете проводить проверку?

Лекарь поджал губы, и медицинские возражения у него закончились сразу, как только разговор коснулся магической процедуры. Хороший признак: значит, он хотя бы понимал границы своей должности.

Селия забрала со стола соединённый знак и карту, положила их в два отдельных футляра и закрыла каждый металлической печатью. Оригиналы бланка и карты должны были остаться в Палате, в дорогу разрешалось взять только опечатанные копии и сам серебряный знак, потому что без него монастырская защита могла не пропустить нас дальше внешнего двора.

— Кто отвечает за знак? — спросила я.

— Капитан Корт, — ответил Кассиан.

Имя прозвучало так, будто назначение уже завершило обсуждение, и мне осталось только поблагодарить за участие.

— Нет.

После моего отказа в комнате снова стало тихо, потому что слово «нет» в этом дворце, кажется, действовало сильнее многих заклинаний, особенно если его произносила женщина, которую ещё вчера собирались отправить в крепость.

Регент медленно выпрямился и спросил, не доверяю ли я назначенному командиру.

Я посмотрела на Дарена, который после нападения успел сменить окровавленную рубашку, но не выражение лица. Стоял у двери, ровно, спокойно, будто разговор о поездке, из которой однажды вернулся без короля, не имел к нему прямого отношения. Только большой палец всё время касался ремня возле ножен и тут же убирался; это могла быть привычка или способ занять руку, которая иначе сжалась бы в кулак.

— Я не доверяю одному человеку оба ключа к нашей проверке, — сказала я. — Неважно, кому именно. Карта у капитана, знак у Палаты или у меня. Или наоборот.

Орен усмехнулся и поинтересовался, собираюсь ли я лично охранять королевскую реликвию с раненой рукой.

— Нет, я хочу, чтобы её нельзя было украсть вместе с одним человеком. Даже самые надёжные мужчины иногда падают с лошади, теряют сознание или возвращаются без короля.

Последняя часть вырвалась раньше, чем я решила, стоит ли произносить её при всех. Дарен не шевельнулся, зато Рейнар, сидевший на подоконнике, медленно повернул голову в мою сторону.

Я почувствовала неприятный укол вины не за сам вопрос, который был необходим, а за то, что использовала его как оружие, пока капитан не мог ответить без риска для своей службы.

— Карта будет у меня, — сказал Рейнар. — Знак у Миры. Капитан отвечает за охрану обоих.

Кассиан посмотрел на чёрный браслет на его руке.

— Тебе нельзя доверить предмет, который подтверждает собственную личность.

— Тогда оставь его у себя и объясни Одрину, почему мы приехали без доказательства.

После этого братья замолчали, и по их лицам невозможно было понять, сколько подобных разговоров они провели до исчезновения Рейнара и кто обычно побеждал. Я знала только одно: Кассиан первым отвёл взгляд к карте.

После предложения Селии никто не обрадовался, а значит, у решения появился шанс оказаться справедливым. Копия карты оставалась у Рейнара в футляре, открыть который могли две золотые дуги; знак ехал в отдельном футляре у меня, но на ночь передавался Дарену под расписку. Каждый переход предмета фиксировался в дорожном журнале.

Я уточнила, что произойдёт, если знак пропадёт или футляр откроют без нас. Селия объяснила, что печать зафиксировывает время, место и след прикоснувшегося, но не остановит вора. Магия здесь снова оказалась похожа на хороший договор: прекрасно доказывает нарушение после того, как оно уже произошло.

— Значит, нам всё равно нужна обычная охрана, — сказала я.

— Обычная охрана обычно нужна раньше магии, — ответила Селия. — Просто люди вспоминают об этом позже.

Орен потребовал отдельную копию карты для Совета. Хранительница даже не стала спорить, а попросила Эстена записать требование и отказ. Герцог замолчал, потому что одно дело — настаивать на доступе, и совсем другое — оставлять в официальной книге строку о том, как именно ты его добивался после нападения. Я мысленно отметила приём: иногда человеку не нужно запрещать сомнительный поступок, достаточно предложить подписаться под ним полным именем.

Эстен, которого привели для описи, сразу оживился. Его лицо впервые за день стало почти счастливым: рядом появился журнал, способный пережить нас всех.

Пока он записывал футляры, печати, царапины и число креплений, я спросила, кто войдёт в охрану. Дарен назвал восемь человек, двух лекарских помощников, возницу и сменного проводника до северной дороги, не включив в список советских наблюдателей. Селия сразу сообщила, что едет как представитель Палаты и отвечает за магическую часть проверки; спорить с ней никто не стал, потому что без хранительницы Одрин мог признать наши доказательства обычным набором дорожных бумаг.

Орен возразил, что без его представителя доказательства могут быть подменены. Лаэрта, которая всё это время стояла у камина, спросила, кого именно герцог считает способным незаметно переписать карту под взглядом короля, хранительницы и капитана. Герцог ответил, что речь идёт о принципе.

Я всё чаще замечала: когда у человека заканчивались конкретные доводы, он начинал защищать принципы. Принципы были удобны тем, что не требовали доказательств и могли означать всё, что выгодно в данный момент.

В итоге от Совета поехал один писарь без права отдавать приказы. Лаэрта настояла, чтобы он был из её канцелярии, Орен потребовал доступ к ежедневным копиям журнала, а Селия отказала обоим: отчёт отправят после возвращения, если мы вернёмся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.